

Александр Харламов

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Книга Судеб

Приключения Дворкина

Александр Харламов

Книга судеб

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Харламов А.

Книга судеб / А. Харламов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Вторая книга из цикла “Приключения Дворкина”. Бывшие офицеры КГБ из спецотряда “13” ищут знаменитую и таинственную Книгу Судеб, способную навсегда изменить прошлое и будущее человечества. Согласно легенде, манускрипт хранится в пещерах под Харьковом и дорогу к нему знают только призраки. На что пойдут офицеры-отставники, чтобы перевернуть мир и вернуть СССР из небытия? Спасет ли Саша Дворкин мир на этот раз и хватит ли у него сил не переписать свою судьбу? Содержит нецензурную брань.

© Харламов А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

КНИГА СУДЕБ

ГЛАВА 1

Зима в Харьков пришла, как всегда неожиданно, что для ЖКХ, что для простых автолюбителей, которые не переобувались до последнего, надеясь на извечный авось. Все вокруг было усыпано снегом. Ветки абрикоса склонились под тяжестью набухших осадков до самой земли, готовые лавиной вот-вот обрушиться вниз на грешную землю, на которой кое-где из сугробов выглядывала зеленая травка.

Я стоял на балконе своей квартиры и наслаждался зимней сказкой, неожиданно ворвавшейся в нашу жизнь в конце ноября. Обычно в такое время в Харькове только-только начинает холодать, а сейчас... Снежное великолепие раскинулось по всему городу белым покрывалом, еще не замаранное утренним потоком машин.

В одной руке у меня была традиционная чашка кофе, в другой зажженная сигарета, медленно тлеющая на прохладном ветру. Сигареты были дорогие, но раз в год, с отпускных, даже по нынешним временам можно шикануть, купив “Парламент”. Тем более книгу мою рассматривают в издательстве, довольно известном и возможно даже издадут. После истории с зеркалом Вышицкого мое самомнение поднялось настолько, что я даже решился отправить рукопись редакционному совету. Так что жизнь понемногу налаживалась, даже несмотря на зимние холода.

Жена с работы еще не пришла. Частная клиника, так и осталась мечтой в Зазеркалье. Так что моя любимая Светочка исправно трудилась на благо гинекологии в государственном учреждении, как и положено за копейки. Мишка был в школе, мною туда отведенный еще с утра, а любимая теща – Эльвира Олеговна наслаждалась процессом приготовления обеда, одновременно что-то горячо обсуждая с нашей соседкой и кумой Шушкой из первого подъезда. Окна на кухню были открыты, а Эльвира Олеговна обладала довольно громким голосом, так что я был в курсе всех жизненных перепитий Светкиной кумы, даже не заходя в комнату, что не мешало мне вдыхать колкий холодный воздух, наслаждаясь природой. Сейчас бы на лыжи... Я вздохнул, сделал большой глоток кофе. Мечта, конечно, приятная, но практически невыполнимая. Жена выбрала все свои отгулы и всевозможные отлучки на год вперед, так что Карпаты с их лыжными трассами для нас закрыты.

В кармане звонко пиликнул телефон. Я отставил кофе, вытащил старенький НТС, которые согласно нашей старой семейной традиции донашивал за супругой. На ярком экране горело сообщение от Мишки : “Вам дзвинули”

Отлично! Значит уроки закончились , и мой человеческий детеныш ожидает в холее школы. Я допил одним глотком кофе и потушил в пепельнице, сделанной из старой джезвы, окурок.

– Эльвира Олеговна!– прокричал я, быстро натягивая джинсы и свитер, но теща увлеченная разговором, мой крик проигнорировала. Это она сейчас так...не слышит, а вот когда наступает вечер и мы со Светланой задумываемся об исполнении супружеского долга, то все ей хорошо слышно.– Эльвира Олеговна...

Наконец, теща смогла отрваться от аппарата связи и зашла в спальню, ничуть не стесняясь того, что я был в одних трусах, с натянутой на одну ногу штаниной.

– Ты звал, Саш?

– Мишка освободился, я за ним. Будет звонить Света предупредите ее,– попросил я, полностью облачаясь.

– Подожди, может надо что-то купить,– бросила мне теща, убегая на кухню составлять список продуктов, а я тем временем быстро выскользнул прочь из дома, сделав вид, что не понял ее.

Сбежал по ступенькам, вдыхая морозный воздух. Совсем рядом от меня с крыши с грохотом сорвалась огромная сосулька, разбившись вдребезги на сотни осколков. Я отшатнулся и дворами пошел к школе, стараясь избегать домов с таким убийственным оружием.

Первый семестр закончился, как и Светкины мучения, с Мишкой заново проходившей школьную программу. Впереди десять дней новогодних каникул, десять дней конфеты, подарков и мандарин...

Навстречу мне через пешеходный переход стайкой шли старшеклассники, живо обсуждающие новогодний школьный бал, следом ребята поменьше ожесточенно играли в снежки. Снег лепился плохо, так что это больше напоминало простое баловство, а за кже за ними, тяжело неся на своих маленьких плечах огромные рюкзаки, медленно следовали с родителями младшие классы. Обогнув эту толпу, я вошел в полутемный холл нашей родной восьмой школы. Прямо под стендом с гербом и жовто-блакитным прапором сидел Мишка, уткнувшись в телефон, из которого неслись какие-то крики, выстрелы и музыка. Ясно...опять залпи в какую-то новомодную игрушку.

Я присел рядом, ласково потрепав сына по вихрастой голове.

– Ну как дела?– с трудом оторвавшись от мерцающего экрана, Мишка все же ответил:

– Нормально! А где бабушка?

– Бабушка кушать готовит, так что я за нее...– я усмехнулся, вспомнив известную комедию, хотя вряд ли нынешнее поколение помнит Гайдая.– Пойдем?

Мишка надел рюкзак, попутно перекрутив лямки,натянув на одно ухо шапку, терпеливо еще минуту ждал пока я приведу его в божеский вид. Уж такой он у нас был не собранный...Иногда мне казалось, что Рассеянный с улицы Бассейнной писался именно с него.

– Ну вот!– критически осмотрев ребенка, удовлетворенно хмыкнул я.– Сойдет для сельской местности...

Мы вышли на улицу, проводив взглядом травмай, ехавший в сторону центра.

– Может погуляем?– предложил Мишка, поймав мой взгляд. Я мельком глянул на часы. Половина второго...Ничего страшного если мы немного задержимся, решил я. Только надо всех предупредить. Еще пару минут я согласовывал нашу с Мишкой прогулку с семейный командованием в лице жены и тещи, а потом мы сели на грохочущий травмай и покатали в центр города, чтобы просто насладиться видами зимнего Харькова, который в это время года, со всеми своими древними зданиями и старинными арками, похож на столицу какой-нибудь сказочной Лапландии. К тому же было бы интересно посмотреть на новогоднюю елку, выставленную на площади Конституции.

Окна замерзли и покрылись причудливыми узорами, какие не нарисовал бы не один художник, даже обладающий самой вычурной фантазией. По обеденному времени людей было мало, в основном пенсионеры, в любое время дня и ночи спешащие куда по своим делам с авоськами и потертыми сумочками.

– Красиво, правда?– я кивнул в сторону елки, установленное на макете эйфелевой башни во французком бульваре. Мишка согласно кивнул, прижавшись носом к холодному стеклу. Хорошо иногда вот так вот сесть на травмай и под стук колес наслаждаться видами одного из самых лучших городов на земле.

Промелькнул универмаг Харьков в открытой двери, впусившей в уютное тепло общественного транспорта облако холодного пара. Проехали черз мост, выбрались на Сумскую, по левой стороне мелькнула заправка.

– Наш выход,– я взял сына за руку и мы выбрались на брусчатку центра. Вокруг фонарики, гирлянды, смех, люди спешат ко входу метро, толпятся на остановках, просто гуляют держась за руку... Правда, Лапландия...

Мишка открытыми глазами глядел на все это чудо, живо обсуждая принцип работы электричества. Я вяло соглашался с ним, особо не вслушиваясь в поток слов, которые произносил

мой сын. Среди бесконечного потока людей и машин, на другой стороне Сумской, в огромной зеркальной витрине дорогого бутика я разглядел знакомое лицо, которое уже думал, что никогда не встречу в своей жизни. Меня пробило от макушки до пят, будто ударом тока. Я замер на месте, не отрывая глаз от витрины, а Мишка настойчиво тянул меня куда-то в сторону.

– Саша, – канючил он, грозя оторвать мне рукав пуховика.

Среди блестящих гирлянд и бессловесных манекенов, наряженных в дорогие платья крутилась возле зеркала Яна Красовская. Она была точно такой же, какой я запомнил ее в Зазеркалье. Та же стройная фигура, узковатые глаза с хитрым прищуром, крашенные волосы под блонд, подстриженное карэ, даже курточка та же самая, что была на ней в день нашей первой встречи.

– Саша... – Мишка со всей силы толкнул меня в плечо, вернув к реальности. Я вздрогнул, машинально потянувшись за сигаретами. Ошарашенно моргал глазами. Значит она реально существует! Значит Красовская не плод моего воображения. Не отчаянный крик о помощи, а настоящий человек из плоти и крови.

– Мы идем? – вопрошал сын, но я все никак не мог совладать с собой. Все то, что я хотел забыть, всколыхнулось в моем сердце: Выщицкий, Божена, Янка... Сигарета истлела, а я так и не сделала из нее ни одной затяжки. Пальцы обожгло и я выбросил ее в сторону.

– Мы идем? – снова повторил сын.

– Да, идем... – я взял его за руку, мысленно прокручивая в голове события, случившиеся со мной в октябре месяце. Вспомнил ее слова, когда она отправляла меня в Зазеркалье:

– Найди меня там в реальности, если я в ней существую. Расскажи обо всем. Мы с тобой напишем бестселлер.

Книга уже написана, сдана на рассмотрение, а Яна жива и здорова, более того вполне реальна. Но что я ей скажу? Извините, я Александр Дворкин мы тут в моем Зазеркалье такого наворотили, не хотите ли послушать? Вот тут-то психиатрия и распахнет передо мной свои гостеприимные двери.

– Глянь, елка! – мы выбрались на площадь, где высилась лесная красавица, доставленная в Харьков по спецзаказу. Она мигала всем цветами радуги, чуть припорошенная снегом. Под ней располагался деревянный сруб, где базировался на время праздников Святой Николай со своей внучкой.

– Красиво, Мишань, – поддержал я сына, отгоняя наваждение.

Мы сфотографировались у ели. Отправили снимок Светлане и Эльвире Олеговне. Потом я снял одного лишь Мишку на фоне сруба и елки. Это фото отослали его родному отцу в Испанию, где он задержался по своим торговым делам.

Но настроение куда-то бесследно исчезло. Красовская стояла перед глазами. Я понимал, что возможно ввязываюсь в очередную авантюру, но твердо решил ее найти. Если она есть в реальности, то может и работает в газете “Вечерний Харьков”?

Медленно пошли ко входу в метро. Мишке эта поездка явно запомнится. Он редко выбирается на такого рода прогулки, когда надо тащиться через весь город, используя общественный транспорт, да и мне, наверное тоже, учитывая последние обстоятельства.

В длинном тускло освещенном переходе городского метрополитена во всю шла бойкая торговля, начиная от носков и заканчивая высокотехнологическими гаджетами. Харьковчане, толкаясь, рвались кто наружу, кто в глубины подземки, игнорируя призывы продавцов.

Я остановился с Мишкой напротив лотка с книгами и газетами. За десять гривен приобрел какой-то детский журнал и последний номер “Вечернего Харькова”. На обложке был наш мэр, торжественно открывающий какой-то центр. Бегло пролистав газету, я двинулся вниз по лестнице к поездам.

Нам с сыном не повезло. Электричка только отъехала. Подав нам напоследок прощальный гудок, качнув на память звостовым вагоном. Ничего не оставалось как только ждать. Мы

нашли место на смой крайней скамейке. Мишка уткнулся в журнал, а я стал рассматривать окружающую меня обстановку. Чувство тревоги. Захлестнувшее меня со времени встречи с Красовской, не покидало меня. Рядом с нами, натужно кряхтя, уселась старушка в старом драповом пальто и потертой беретке. У ее ног стояла небольшая тачка, на которой установлена была пустая клетчатая сумка, туго перевязанная шпагатом. Понятное дело, оценив соседку, решил я, либо на дачу, либо на рынок за продуктами.

Замигало красным табло, извещавшее о том, что на станцию Площадь Конституции прибывает поезд. Я поднялся со своего места. Не торопясь тревожить сына. Огляделся. Толпа на платформе была небольшая. Несколько стаяк студентов, все те же пенсионеры и двое крепких мужчин спортивного облика. Цепко и внимательно они оглядывали перрон, высматривая кого-то. Поймав взгляд одного из них, я отвернулся. И...замер, пораженный увиденным.

По платформе пдвигался чей-то призрак. Он висел сантиметрах в сорока над землей и двигался в нашу сторону. Полупрозрачный, больше похожий на туманную дымку, он имел четкие контуры мужской крепко сбитой фигуры. Темные волосы, сильное волевое лицо, искаженное гримасой боли. Я вздрогнул и на всякий случай оглянулся, искренне надеясь, что кроме меня это чудо видит еще кто-нибудь, но нет...Все на платформе были заняты своими делами. Девчонки-студентки весело переговаривались, что-то обсуждая, пенсионеры мерно кряхтели, опираясь на трости, даже Мишка не повернул головы в сторону пришельца.

А призрак качнулся из стороны в сторону, потом поймал мой удивленный взгляд и покачал головой, мерзко улыбаясь. Нет! Только не это! Мысленно взмолился я, опять эти чертовы видения, как же хорошо и спокойно я прожил этот месяц без всякой мистики и колдовства!

– Смотри! Это он!– два крепыща, высматривающие что-то на платформе рванулись в нашу с призраком сторону. Один из парней явно показывал в сторону пришельца с того света. Он его тоже видел!

Чья-то душа поняла, что ее обнаружил не только я. Призрак мужчины бросил взгляд мне за спину и улыбнулся.

– Станция Майдан Конституции, наступна зупинка...– оконцовку фразы диктора метро я уже не слышал. Призрак на всем ходу рванулся вправо, проскользнул сквозь парня, стоящего у самого перрона в наушниках, от чего тот немного закачался, и оказался прямо перед летящим электропоездом на рельсах. Махнул мне рукой и исчез, уносимый упругим воздухом, летящим впереди электрички.

– Саша, это наша электричка?– спросил Мишка, пряча бережно журнал в рюкзак.

– Да...да, сына,– я схватил малого под руки и внес в уже закрывающиеся двери. В спину мне донсилось недовольное ворчание одного из накачанных парней:

– Опять ушел!– чертыхнулся один из них тот, что выглядел помоложе. – сколько можно за ним гоняться? Говорил надо было сразу в Театральный идти...

– Тихо!– прищыкнул на него второй.– Шеф сказал...

Двери с шипением захлопнулись прямо перед моим любопытным носом. Электричка нервически дернулась и помчалась вдаль по подземным тоннелям, набирая скорость.

Я потерянно огляделся по сторонам, ища Мишу. Тот уселся с самого краешка длинной сидухи и схватился за поручень, о чем-то сосредоточенно думая, как и я.

– Чего загрустил?– спросил я его, присаживаясь рядом, обнимая его одной рукой, стараясь придать своему голосу хотя бы толику веселья,– неужели прогулка не понравилась?

– Понравилась...– кивнул Мишка.– Саш, я хотел спросить тебя...

– Спрашивай...

– А что это был за дядя, с которым перед электричкой тебе улыбнулся, а потом спрыгнул на рельсы?

Мое сердце дрогнуло. Я еле втолкнул в себя воздух, комком застрявший в горле. Только этого мне не хватало, чтобы Мишка *видел*.

– Какой такой мужчина?– как можно беспечнее спросил я, улыбнувшись. Правда и улыбка у меня вышла какая-то жалкая.

– Белесый, как призрак,– внимательно посмотрел на меня ребенок.

Именно, что белесый и именно, что призрак, захотелось мне заорать на весь мир. Сразу же вспомнились слова Вышицкого, брошенные когда-то вскользь:”Нам нужен был человек, сумеющий прорвать завесу между мирами...” Здрате, вот он я... Кажется своим путешествием в мир Зазеркалья, я навредил не только себе.

– Знакомый один,– махнул я рукой,– ну-ка давай посмотрим фотки! Что у нас вышло?

Мы открыли телефон и пролистали нашу фотосессию возле елочки. Некоторые фотографии удалили, как не получившиеся. Остальные решили показать Свете.

– Москвский проспект!– громогласно объявил диктор.

– Наша...– схватил Мишку за руку и вывел на перрон.

Дорога домой заняла еще минут тридцать. За это время из головы Мишки, слава богу, выветрился подозрительный дядька, а я сосредоточился на встрече с женой, которая сразу заметит, что со мной что-то неладное. Все-таки не первый год живем вместе...

Оказалось, что мы основательно продрогли. В доме показалось жарко и душно. Я сбросил куртку и поберл на балкон, на ходу раскуривая сигарету, проигнорировав вопросы тещи, с наслаждением задымил.

Красовская была настоящая или мне только показалось? Призрака видел и Мишка так, что тут можно быть уверенным на сто процентов. А вот кто эти двое мужчин? И что за шеф? Мысли путались и сбивались, я не заметил, как закурил вторую.

– Привет,– чьи-то теплые ласковые руки обняли меня. Позади стояла Света. Надо же! А я и не слышал, как она вошла!

– Привет, любимая,– я обернулся и поцеловал свою жену в щеку.

– Не замерз?

Только сейчас я ощутил, что дрожу. Холод продрал до костей. Подул на руки. Из рта вылетело облачко пара, точ-в-точь призрак в метрополитене.

– Есть немного...Как Мишка?

– Читает журнал,– засмеялась счастливо она,– рад и счастлив прогулке. Как тебе это в голову пришло?

– Просто заметил, что ему скучно,– пожал плечами я, выходя с балкона вслед за женой,– как работа?

– Ничего нового. Кроме...– Светка загадочно улыбнулась, прижавшись чуть сильнее ко мне.

– Кроме?

– Кроме того, что мне подарили бутылку хорошего шампанского, и я намерена распить его в обществе своего мужа, который сегодня официально вышел в отпуск,– она впиалась в меня губами, жадно ловя мои поцелуи.

– Целоваться у себя!– в свою спальню зашла Эльвира Олеговна с ворохом постиранного белья на руках, которое планировала погладить.– Имейте совесть!

Мы засмеялись и ушли в свою спальню. Я быстро сбежал за двумя бокалами, Света нарезала яблоки и уложила в тарелку красиво виноград. Шампанское действительно было вкусным. Я с наслаждением сделал большой глоток шипящей жидкости.

– Класс!– похвалил жену за ее идею.

Она ничего не ответила. Оставила бокал на прикроватной тумбочке и повернулась ко мне.

– Я люблю тебя, Дворкин!– прошептала она, обнимая меня.

– И я,– губы мои уже искали ее, жадно впивались в нежную кожу. Соскучившиеся руки бесстыдно ласкали прекрасное женское тело. Свет в спальне выключился, кажется, сам собой!

Все мысли исчезли, отошли на второй план. Остались только мы вдвоем. Я и она, на всей этой грешной земле.

ГЛАВА 2

К своему стыду, утренний кофе с женой я нагло проспал. Такое со мной очень редко бывает, только когда я вымотаюсь морально и физически, а моральных нагрузок вчера для меня было более, чем достаточно.

Потому, я проснулся в пустой квартире. Эльвира Олеговна повела Мишку на подготовку к утреннику, Светка ушла на работу, а я сварил себе чашечку крепкой арабики и вышел на балкон, кутаясь в теплый пуховик.

Стало еще холоднее. Подул северный пронизывающий ветер, мгновенно остудивший чашку. Я с наслаждением затаился, наблюдая как медленно просыпается Харьков. В боку что-то закололо, пришлось расстегивать теплую куртку, чтобы рассмотреть причину. Из внутреннего кармана топорщилась куленая вчера в переходе метро газета “Вечерний Харьков”. А я и забыл совсем про нее...

Развернул цветные страницы, густо пахнувшие свежей типографской краской. На развороте был расположен наш мэр, открывающий какое-то очередное учреждение. Дальше убористым, достаточно мелким шрифтом текст, колонка спортивных новостей, общественная жизнь, оценок украинские новости. Так... А где же наша Яна... Я быстро пробежал глазами заголовки, потом подписи авторов и только на втором развороте увидел знакомую фамилию: Яна Красовская “Загадочный Харьков” – ничего особенного, общеразвлекательное чтение, но что-то в нем мне показалось знакомым. Пару раз в тексте мелькнули зеркала, отражения и Зазеркалье, фамилии Вышицкий и Калиновская. Ну-ка, что тут у нас... Стал читать серьезнее:

Многие знают, что зеркала – это самые таинственные и загадочные предметы быта, окружающие нас с начала жизни до самого его конца. Существует немало народных поверий, которые приписывают зеркалам чудесные, почти волшебные свойства.

Люди, подчиненные мистики и экстрасенсорники, утверждают, что они имеют собственную память, внутренняя содержимое и свою собственную, ничем не сравнимую энергетику.

Существует поверье, что человеческая душа, после смерти может заблудиться в зеркальных лабиринтах, если не закрыть плотной светонепроницаемой тканью отражение мертвеца. Этим-то и воспользовался в девятнадцатом веке известнейший харьковский ученый Константин Афанасьевич Вышицкий, стремившийся всю свою жизнь открыть секрет вечной жизни...

Далее на половину страницу шло жизнеописание этого деятеля, затащившего меня в Зазеркалье, его научные труды и суть эксперимента, в ходе которого он погиб, так и не воскреснув. Интересно, завлекательно и вполне читаемо, оценил я. Янка имеет вполне определенный литературный талант и по праву считается звездой харьковской журналистики.

Пальцы от холода околели, я одним глотком опрокинул в себя кофе и зашел в квартиру, рухнув на кровать тещи. Так... Что тут еще... В дальнейшем Красовская обещает продолжить серию статей о мистических загадках нашей малой родины и ждет от читателей комментариев и новых историй. Свои пожелания и предложения следует присылать по адресу... Тут был дан адрес редакции, далее самый рабочий телефон самой Красовской.

Я тяжело вздохнул, сворачивая газету, уставившись задумчивым взглядом в стену. Кажется, опять мне не везло, влазил в какую-то очередную авантюру. Призрак в метро, неожиданная встреча с журналисткой, ну почему мне не живется спокойно?

Схватил мобильник и набрал номер редакции. После десятка настойчивых призывных гудков, трубку сняли. Миловидный елейный женский голосок вежливо поздоровался:

– Добрый день, редакция газеты “Вечерний Харьков”. Мы вас слушаем...

– Здравствуйте,– проявил я вежливость, которое, как известно, главное оружие вора,– мне бы услышать Яну Красовскую, журналистку,– зачем-то уточнил я.

– Мы все тут журналистки,– обиженным голосом проворковала девушка на том конце провода.

– Да, конечно, извините!

– Ничего страшного,– великодушно простила та меня. – Янусик! Тебя к телефону, очередной кавалер...– раздалось по ту сторону трубки.

Почему она решила, что я кавалер? Поморщился, нервно закуривая сигарету, выходя на балкон. После небольшой паузы в трубке раздался запыханный голос Янки.

– Красовская слушает!

– Доброе утро, Яна, я прочитал вашу заметку о зеркалах и господине Вышицком, готов поделиться дополнительной информацией...

– Очень интересно,– процедила журналистка холодным тоном,– что за информация?

Меня смутило ее отношения. А с другой стороны, если подумать, то чего я хотел? Чтобы она кинулась со мной навстречу босая и неукрытая? Она меня не помнит, не знает про зеркала, про Божену... Она в другой реальности живет, в другом Зазеркалье, а таких, как я ценных источников информации ей звонит по сорок раз на дню, в основном мечтая при личной встрече заглянуть ей под коротенькую юбку.

– Я не встречаюсь ни с кем для получения любой информации,– уточнила девушка,– если вы хотите что-то рассказать, то пишите на электронную почту.

Янка продиктовала мне адрес “мыла”, который, впрочем, и без того был в газете. В трубке раздалась короткая гудка. На том конце провода отключились.

– Черт!– выругался я, заходя обратно в квартиру. Кот Кекс требовательно гонял по кухне пустую миску с едой, требуя положенный завтрак.

Что делать? Может бросить все к чертям и попытаться забыть?

Чисто механически допил кофе, накормил прожорливое животное серого цвета шотландской породы, раздумывая над происходящем.

Какие-то странные призраки, погони неизвестных за ними – все смешалось в кучу. И все бы ничего! Плюнуть и забыть, тем более, как сказал когда-то пан Вышицкий я умею разрывать завесу между мирами, но главное, что меня беспокоило – это то, что тень в метро видел и Мишка, а значит надо было разбираться во всем, с головой бросаясь в очередную авантюру. Но при скудных возможностях инженера с Турбоатома, я вряд ли насобираю много информации... А вот, если уговорить Красовскую помочь, как тогда, в Зазеркалье, то, возможно, из этого и будет толк. Как там сказал тот крепыш в метро? Надо было сразу идти в Театральный? Что у нас в Театральном?

Я включил ноутбук и набрал поиск. Открылось почти полмиллиона ссылок. Да, Дворкин, информации не початый край!

А Янка? Ну и что, что не захотела встретиться... В конце-концов, я помню где она живет, еще по Зазеркалью. Бросил взгляд на часы в уголке монитора. Впереди до вечера была еще куча времени! Так что, дерзай, Дворкин, читай, вникай, может и найдешь какую-нибудь ценную информацию.

Но ценной информации было немного. Инترنت пестрел разными яркими рекламами в сонном эротического характера, а при слове мистика в строке поиска вообще сходил с ума и выдавал мне на гора целую кипу адресов колдуний и ворожей, клятвенно заверяющих в своей собственной всесильности и могуществе, способном сокрушить основы мироздания.

Единственное полезное, что я узнал, это была история о загадочном инциденте в харьковском метро, когда несколько мужчин отчетливо видели прыгающего под поезд призрака-самубийцу. В потемках они приняли его за живого человека, а потом и вовсе вызвали спасателей,

дабы достать труп, парализовав таким образом главную транспортную артерию города на несколько часов бесплодных поисков.

Глянул на часы, показывающие половину третьего. Совсем скоро придут Эльвира Олеговна и Мишка со школы, Светка с работы и мне будет не вырваться. Я открыл телефон, коротко написал, что Митрофаныч – начальник производственно технического отдела завода, где я работаю, совсем озверел, дергает меня в отпуске, так как надо срочно подготовить пакет документов, вернусь поздно, к ужину не ждите, и отправил жене.

Накинул на плечи теплый пуховик и выскочил под пронизывающий до костей северный ветер. Добираться до дома Яны от меня было недолго даже общественным транспортом, но я настолько торопился, что решил вызвать такси. Да и мерзнуть на продуваемой всеми ветрами остановке не хотелось в ожидании троллейбуса.

Хмурый, молчаливый таксист домчал до перекрестка Гвардейцев Широинцев и механизаторской за рекордное время, объехав все возможные пробки только ему известными закоулками, за что получил честно заработанные пятьдесят гривен и десятку сверху.

Я не знал, что скажу Красовской при встрече, вспомнит она меня или сочтет очередным психом, преследующим красавицу журналистку, но смело поднялся на четвертый этаж к черной металлической двери под номером №36. Все было тут точно так же, как и в моем Зазеркалье. Тот же подъезд с выкрашенными зеленым стенами, тот же домофон, темный зев глазка и коляска под панелью со счетчиками. Вдохнул и нажал кнопку. За дверью раздалась заливающая трель, способная пробудить мертвого. Потом еще и еще раз, подождал для верности минуту и снова позвонил.

– Чего трезвонишь тут?! – соседняя с Яниной дверь приоткрылась и из приоткрывшейся щелочки выглянуло сморщенная старушка со стрекозьими очками в пол морщинистого лица. – Вы вообще к кому?

– Я к Яне Красовской, – замешкался я на секунду, придумывая убедительный ответ, чем вызвал еще большее подозрение у бдительной пенсионерки, – я ее друг...

Бабка хитро прищурилась, представляя, наверное, себя в этот момент какой-то киногероиней из дешевого детектива, вроде “Она написала убийство” и съехидничала:

– Коли друг, то должен знать, что Янка допоздна работает. Редко в семь приходит, в основном позже, а в такое время ее днем с огнем не сыщешь. Значит никакой ты ей не друг! – заключила соседка Красовской, погрозив мне пальцем. – А что ты за фрукт такой, пусть милиция разбирается!

Она шмыгнула обратно в квартиру. Громко защелкали закрываемые звонки, послышалось шарканье домашних тапочек спешащих к телефону. Я предпочел за лучшее ретироваться. Спустился во двор, зайдя в летнюю беседку так, чтобы из окон бдительной дружинницы меня не было видно и приготовился к тягостному ожиданию.

К шести я основательно продрог. На мобильнике было уже четыре пропущенных вызовов от жены, но я твердо решил дожидаться Янку. Только она сможет помочь мне разобраться со всеми странностями, пошедшими косяком со вчерашнего дня.

Руки без перчаток замерзли. Сигареты закончились, а кофе, покупаемый в киоск напротив многоэтажки, где жила журналистка, уже не согревал. Во рту было горько и сухо. Немного подташнивало. Лицо обветрило, мышцы заостенели, я еле мог выговаривать слова. Запиликал телефон. Нехотя вытащил руку из кармана. Звонила Света. Не брать уже было стыдно. Иначе через полчаса будет поднят на ноги весь Харьков, обзвонены скорая, милиция и даже пожарные.

– Да, любимая... – выдыхая пар, поздоровался я.

– И где мы ходим? Я звоню, звоню... – Светлана была явно обескуражена и разозлена.

– Да, понимаешь, дорогая, тут Митрофаныч совсем с ума сошел. Контракт с малазийцами срывается на поставку оборудования, вот он всех и припряг на аврал! Пашем, как проклятые! Но ты не переживай, я как справлюсь, так сразу домой! Кушайте без меня...

Было стыдно врать жене, но и втягивать ее в это дурно пахнущее расследование не стоило. Ей хватило и того, что она несколько дней прожила с духом Вышицкого, вырвавшегося из зеркала и поселившегося в моем теле.

По разбитому асфальту зацокали каблуки. В начале дороги показалась точеная фигура Янки, как всегда в мини и на длинной шпильке.

– Все, лапуля, труба зовет! Мне пора бежать... – прервал я разговор.

– Целую, – загрустила Светка, а мое сердце было готово разорваться напополам от любви к ней и стыда за своей умелое вранье, – позвони, если будет минутка.

– Пока-пока, – я сбросил звонок и торопливо запахал телефон во внутренний карман, выбираясь из облюбованной беседки, усыпанной пустыми пивными банками и окурками вперемешку с шелухой от семечек.

Фигура Красовская была почти у подъезда. Я поспешил, ускоряя шаг. Вот она! Девушка шагнула в круг света от фонаря, висящего над подъездом, и мне пришлось отшатнуться. Этой девушкой была не Яна. Очень похожая на нее, но не она. Неужели все зря и я ошибся...

– Вы что-то хотели? – вежливо обратилась она ко мне, отпирая электронным ключом подъезд.

– Нет, спасибо, я обознался, – попятился назад, прячась в густую тень зимнего вечера. Медленно побрел к остановке, план рухнул. Людей на узкой, вытопанной в газоне дорожке не было. Где-то во дворах многоэтажек лаяли собаки. Переругивались их хозяева. Впереди гудел транспорт. Снег глухо хрустел под ногами, проламываясь почти с зубовым скрежетом. Хотелось домой и спать. В голову закрадывалась мысль, что всю эту историю я сам себе выдумал, сделав по обыкновению ее глобальной проблемой.

– Спасибо, – дверь легковушки-такси хлопнула у дороги. Теперь эта была Яна, без сомнения! Я так и замер перед пешеходным переходом, как вкопанный. Красовская спешила домой.

– Мужчина вы идете? Зеленый! – поинтересовался позади меня паренек с рюкзаком на спине.

– А? – словно вернулся в реальность я, стяхнув оцепенение, вызванное появлением журналистки.

– Зеленый говорю! – махнул рукой на меня парень и поспешил по своим молодежным делам.

Яна уже почти скрылась во дворах. В руке у нее был пакет с едой, на плече модная сумочка, усыпанная стразами. На плечах коротенькая шубка, джинсы и теплые полусапожки. Я поторопился, рванул за ней, скользя по замерзшим лужам, пару раз, чуть не растянувшись во весь рост.

Дверь подъезда на магнитном замке медленно закрывалась, я еле успел подставить ногу и войти внутрь, как сильнейший удар под дых сбил дыхание, и тут же острые коготки от всей души мазнули куда-то по шее.

– Ах ты, урод! – Красовская пыталась добить меня женской сумочкой, колотя по спине, а я хватал открытым ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

– Яна, стойте! – прохрипел я, получив несколько оглушительных и болезненных тумачков.

– Я тебе постою! – кричала она, лущуя меня почему зря. – Может мне сразу ноги раздвинуть, чтоб не мучился!

Еле смог уклониться от очередного удара и перехватить руки разъяренной женщины. Встряхнул ее, глядя ей в глаза, преодолевая боль.

– Да, стойте же! Я вам сегодня звонил в редакцию!

– Как ты узнал мой адрес, урод?!– кричала она, трепыхаясь у меня в руках.

– Красовская, перестань!– лопнуло, наконец, мое терпение.

Она немного утихомирилась. Порванный пакет с продуктами валялся на грязном полу рядом с нами. Ее сумочка болталась на руке.

– У меня есть важная информация и никакой я не маньяк!

– Маньяк, маньяк!– на ступеньках появилась старуха, которая грозила мне полицией. Она заинтересованно смотрела на нашу мизансцену, как на сериал по телевизору.– Он еще у стра тебя караулит.

– Женщина, идите...– разозлился я.– Куда шли!

– Я тебе пойду!– взярилась бабуля, но именно это и успокоило Красовскую. Она мягко высвободилась из моих захватов и спокойным тоном заявила:

– Валентина Игоревна, все хорошо. Я разберусь,– улыбнулась ей и дождалась пока бдительная соседка удалится к себе в квартиру,– так вы хотели поговорить?

– И только...– потер я рассаженную ногтями шею. Она неприятно саднила.

– Говорите!

– Может?– намекнул я ей на квартиру так, как основательно продрог.

– А может вам сразу сказать, где деньги лежат?– съязвила Янка, и я с тяжелым вздохом, основательно продрогший, повел ее в облюбованную мною еще с обеда беседку.

Мы уселись на перила, поставив ноги на замусоренные подростками лавочки. Журналистка выжидательно на меня посмотрела.

– И?

– Только, не считай меня сумасшедшим, но дело обстоит так...– и я рассказал Яне, как попал в зазеркалье, как меня обманул Вышицкий, как мы там познакомились с ней и сколько вместе пережили, тактично умолчал о попытке ее завязать со мной какие-то отношения, а потом о призраке в метро, таинственных охотниках на него и талантах моего Мишки.

Когда я закончил, она задумчиво покусывала нижнюю губу и молчала, глядя куда-то в пол.

– Это все?– наконец, вымолвила она после продолжительной паузы.

– Все...– кивнул я.– Ты мне веришь?

Красовская молчала.

– Чего ты хочешь от меня?– спросила она, увильнув от ответа.

– Ты мне веришь?– повторил я, потирая шею.

– Ты знаешь, Дворкин...– проговорила она.– Если бы ты мне рассказал эту историю месяца три назад, то не поверила бы!

– А сейчас?– напрягся я.– Что изменилось сейчас?

– А сейчас мне стали сниться сны,– опустила голову Красовская,– которые совпадают полностью с твоим рассказом...

– Что?!– изумился я.

– Обычные сны,– пожала плечами она,– сначала я думала, что это все нормально, потом, когда это стало связным остросюжетным сериалом, идущим каждую ночь, забеспокоилась, обратилась к врачу, тот посоветовал пить успокоительное, но оно не помогло...

– Это значит ты ...

– Не знаю,– пожала плечами она,– мистика какая-то...Вот для того, чтобы разобраться во всем этом я стала копаться в прошлом Вышицкого и загадках Харькова. Ты читал мою последнюю статью?

Я кивнул.

– Так ты мне поможешь?

– Зачем тебе это нужно?– внимательным цепким взглядом оценила она меня.

– Этих призраков видит мой ребенок и двое амбалов, как будто только вышедших из ринга. Я не хочу, чтобы у моей семьи были неприятности.

– Помогу... – со вздохом подтвердила Яна. – Может и сама разберусь в своих снах... Так говоришь они собирались в Театральный? – уточнила она.

– Да... Только, как связаны призрак в метро и театр, ума не приложу... – горестно вздохнул я.

– Есть у меня одна идея, – улыбнулась Красовская, – только кое-что надо уточнить, – ее глаза загорелись азартом и каким-то пылающим огнем, – мы сможем завтра встретиться в пять во “Французском бульваре”?

Я замолчал, представляя, как это все буду объяснять Светке. Или опять врать? А может сказать правду?

– Я буду... – согласился я, подав ей руку, чтобы встать с перил.

– Вот и отлично! – улыбнулась журналистка, когда мы дошли вместе до самого подъезда. – Тогда до завтра!

Она махнула мне ручкой и скрылась в темноте многоэтажки, а я побрел к остановке. Часы показывали восемь вечера.

Уже дома, скупно поздоровавшись с родными, я заперся в ванной, рассматривая следы ногтей Красовской. Еще этого мне не хватало...

– А что это у нас такое? – раздался настороженный голос жены, стоящей позади меня, скрестив руки на груди.

– Да... Дурочка какая-то в автобусе напала на меня за то, что ей ногу отдал, – отмахнулся я, как можно небрежнее, спиртом поливая ранки.

– Понятно... – сухо кивнула Светка, выходя из ванной.

– Свет! – в одних трусах я погнался за ней, ухватив за руку у самой кухни. Обнял, прижал к себе. – Лапуля моя, любимая, я обожаю тебя, зайка! Ну... не грусти! Это, правда, какая-то сумасшедшая, я даже уклониться не успел.

Под объятиями и поцелуями жена сдалась. Улыбнулась в ответ. Чмокнула меня в щеку.

– Иди мой руки, кормить тебя буду...

– Свет...

– Что?

– Меня опять Величко завтра вызывает...

Громко грохнула о край мойки тарелка. Жена замерла с ложкой в руках над плитой.

– С чего бы вдруг? – насторожилась она.

– Говорю же контракт... – пожал плечами я. – Малазийцы...

И быстро ретировался в ванную, чтобы избежать дальнейших вопросов. Жена хмыкнула и продолжила разкладывать по тарелкам еду.

ГЛАВА 3

Утро началось, как обычно, с кофепития. Получив необходимый заряд бодрости и энергии, я проводил жену на работу, а сам уткнулся в интернет, пытаясь хоть что-то полезного выудить из той толики информации, которую случайно услышал в метро, но никакой связи между театральным, призраками и Харьковом всезнающий гугл никак не хотел находить, ограничиваясь ссылками на ХНАТОБ и какими-то сайтами с ведунами и колдуньями, обещающими успех в делах и при исполнении супружеского долга. Сотни магов и экстрасенсов снимали порчу, наводили обратно и возвращали неверных партнеров в семью. Я даже не знал, что вся эта мистика давно поставлена на практически промышленный поток и является источником неплохого дохода. Цены в основном варьировались от пятиста гривен до десяти тысяч за сеанс, но отдавало это все обычным разводом на деньги.

Дверь в нашу со Светкой спальню тихонько скрипнула. В проем заглянула хитрая физиономия Мишки.

– Привет!– поздоровался он, заметив, что я оторвался от монитора.

– Да, Миш, привет дорогой,– поздоровался я, откладывая ноутбук.

Сын проскользнул в комнату, топая босыми ногами по ламинату, пристроился рядом, положив мне голову на плечо.

– Чего ты так рано встал?– спросил я его, поглаживая по темным прямым волосам, отросшим на шее мягким пушком.– Вон бабушка спит еще,– я кивнул на дверь в коридор, где через комнату оглушительно храпела Эльвира Олеговна, закончившая просмотр очередного сериала ранним утром. Мишка пожал плечами, неопределенно мотнув головой.

– Ничего не болит?– на всякий случай уточнил я, так как знал, что уж этот ребенок точно не отличается богатырским здоровьем.

– Нет,– засопел тихонько сын. Под глазами у него пролегли темно синие круги, выглядел он не очень.

– Так что случилось?– повторил свой вопрос я.

– Мне снился тот дядька...– наконец пояснил он, хляпая рассопливившимся носом.

– Какой?– насторожился я, пристав на локте.

– С которым ты в метро разговаривал,– сказал Миша,– он повел меня куда-то в подземелья, где ездят электрички...

– И?

– Сначала мы долго-долго шли, с потолка капала вода, было сыро и грязно. Я даже замерз немного...– сын, лежащий рядом, укутался одеялом жены по самую шею, и только сейчас я ощутил, что голени его действительно ледяные. От ужаса поразившей меня догадки по спине побежали мурашки. Я вздрогнул, но сдержался. Стараясь говорить, как можно беззаботнее, чтобы не напугать ребенка.

– А что было дальше?

– Дальше был какой-то колодец. Сам дядька спустился вниз, а потом и я оказался там, будто по волшебству. В колодце было уже темно. Только от дядьки исходило свечение, как от фосфора.

– И куда дядька тебя повел?– чуть дрогнувшим голосом продолжил расспросы я.

– В какую-то пещеру, в ней были огромные каменные стулья и столб, на вершине которого лежала книга,– захлеб рассказывал Михаил. Страх прошел. Теперь согрившись, под моим боком, он мог приукрашивать и сочинять.

– Что за книга?– насторожился я.

Сын пожал плечами и перевернулся на спину.

– Какая-то старая, но я не видел больше ничего! Мне стало страшно, я проснулся и пошел к тебе... Может поиграем?– он схватил с прикроватной тумбочки телефон, защелкав клавишами. Иногда, вот так утром, мы любили играть в морской бой по блютузу.

– Да...книга значит?– задумчиво пробормотал я. Почему призрак повел к этой книге именно Мишку? Что это за писанина? И почему снова затронута моя семья?

Мысли роились в голове не хуже пчел. Я рассеянно тыкал пальцем в экран, пробуя просчитать ситуацию. Ничего не выходило! Слишком мало информации и вся она разрозненная... А кто эти крепыши, которые тоже несомненно видели призрака в метро?

В итоге Мишка выиграл у меня с разгромным счетом восемь : ноль. Окончательно успоившийся, он побежал хвастаться уже проснувшейся Эльвире Олеговне, а я остался один, изредка прислушиваясь к крикам тещи, которая сначала заставляла сына покормить рыб в аквариуме, заправить кровать, потом убрать лоток кота, вытереть пыль, умыться и садиться кушать. Как ребенок мог сделать это все одновременно непонятно, но строгая педагогическая нотка в добром сердце тещи требовали неприменного и точного выполнения выданных заданий.

Кусок в горло не лез. Я кое-как запихал в себя вчерашнее пюре и запил чашкой горячего кофе. До встречи, назначенной Красовской, оставалось еще куча времени, которое я посвятил домашним делам. Помыл пол, отремонтировал полку, повесил перекосившиеся шторы, сходил магазин и исполнил кучу поручений Эльвиры Олеговны, на которые она была большая выдумщица.

Около четырех начал собираться во Французский бульвар.

– Ты куда это?– поинтересовалась теща, догоняя меня у самой входной двери с длинным списком заданий в руках.

– Митрофаныч меня на работу вызвал, надо подбить отчетность, сдать кое-какие документы по контракту, вообще придется попотеть,– отмахнулся я.

Эльвира Олеговна уныло кивнула, принявшись ругать за что-то Мишку, явно расстроившись, что не все из ее наполеоновских планов было выполнено. А я быстро проскользнул в двери, закрыв их своим ключом.

Зазвонил телефон, призывно вибрируя в кармане пуховика.

– Привет, дорогая,– поздоровался я с женой,– как дела?

– Вот собираюсь домой,– сообщила она мне,– может встретишь меня? А то сумки тяжелые, продуктов накупила, боюсь не дотащу...

Встретаться со Светкой сейчас было нельзя. Я не смогу ей врать в глаза про работу и аврал с контрактами, не смогу и все!

– Малыш, я уже на работе,– извиняющимся тоном проговорил я,– так что вызывай такси!

На том конце провода Светка грустно согласилась. Сердце мое чуть не выпрыгнуло из груди, в какой-то момент я даже думал не сдержаться, отменить все и попытаться жить как раньше, но, вспомнив Мишкины испуганные глаза по утру, решительно отрезал пути к отступлению.

– Целую! Постараюсь не задерживаться,– выдавил я из себя, искренне радуясь, что она не видит мою виноватую физиономию. Жена холодно попрощалась, бросив трубку. Я долго еще слушал короткие гудки в телефоне, надеясь непонятно на что.

Во торговом центре в любое время дня и ночи народу валом. Кто-то катается на коньках в Шато ледо, кто-то идет смотреть очередной американский блокбастер в кинотеатр, кто-то зашел за продуктами, а кто-то просто убивает время, попивая кофе, наблюдая за городом с высоты третьего этажа через панорамные окна. Молодые парочки фотографируются в обнимку в плетенных креслах. Девочки-подростки делают селфи в зеркальном лифте. Вокруг мельтешение народа и суета, которую не заметишь на улицах спокойного и тихого Харькова.

В кафе “Гарантино” было пусто. Только в темном углу, под тяжелой красной портьерой сидела целующаяся парочка влюбленных.

– Простите, меня должны ждать!– обратился я к бармену, оперевшись на барную стойку.

– Фамилия...– бросил коротко мне он, протирая и без того чистые стаканы.

– Дворкин.

– Пятый столик...

Я огляделся и сразу табличку “Зарезирвирован” и номером пять. Быстрыми шагами сел на место, отодвинув табличку в сторону. Яна опаздывала. Взглянул на часы.

– Уже ждешь!– позади раздался запыханный голос журналистки.

Она была одета в легкую курточку, обтягивающие джинсы и теплые полуботинки на длинной шпильке.

– Еле успела, час пик...– она плюхнулась напротив меня, тяжело дыша.

– Удалось что-нибудь узнать?

– Давай сначала по кофе,– предложила Яна,– информации мало, но кое-что удалось нарыть.

Мы сделали заказ на два американо, а пока его готовили. Девушка успела снять куртку и привести свой макияж в порядок. Я молчал, глядя в окно, чувствуя себя сволочью по отношению к жене. Боже упаси, я не питал никаких чувств к Красовской и никаких крамольных мыслей не держал в голове – она была для меня просто другом и соратником, но от того, что я первый раз соврал Светлане, было противно.

– Ты чего такой кислый?– спросила Янка, отложив в сторону косметичку и сделав первый глоток обжигающего напитка.

– Забудь, – отмахнулся я, сожалея о том, что курить в кафе города с некоторых пор было запрещено. А все это проклятый здоровый образ жизни, будь он неладен! – Что тебе удалось узнать по нашему делу?– спросил я девушку, помешивая кофе ложкой. Пить его не хотелось. Настроения не было вообще.

– Ну начнем с того, что поиск в интернете не дал результатов,– начала она.

– Это я знаю! Сам спрашивал у гугла...

– Вообще, хорошо, что я уже занималась этой темой. Мне удалось поднять свои старые связи, архивы, в библиотеке полистала несколько книг о мистических местах города. После пары часов поиска я наткнулась на интересную заметку в своей же газете, в разделе “Очевидное-невероятное”. Пять лет назад на станции метро “Университет” некто Михаил Ликин видел неизвестного мужчину, который бросился под приближающийся поезд. Он немедленно позвал милицию, вызвал скорую, работников метрополитена. Только тела так и не обнаружили, а никто кроме него этого самоубийцу не видел. Мужика сочли сумасшедшим упекли в “пятнашку”, где он прибывает и по сей день. Я узнавала, благо, кое какие связи у меня там еще остались. Историю замяли, но отдельные индивидуумы до сих пор считают, что Михаил Ликин был абсолютно здоров, а видел параллельный мир, где призраки снуют туда сюда без особого труда...

– То есть...этот Ликин мог прорвать завесу так же, как и я?

– Получается, что так!– пожала плечами Яна.– или как твой Мишка...

При упоминании о сыне в сердце противно защемило.

– Это еще не доказано! Ладно, допустим, что я видел того же самоубийцу. Только кто эти крепыши, которые охотились на него?

– Вот по ним информации никакой нет,– пожалам плечами Красовская,– я даже не пыталась...Никаких зацепок. Ни фото, ни данных, ни даже описания...Глухо.

– А Театральный?– спохватился я.– Что с ним?

– Вот с ним, как раз все очень интересно...– улыбнулась Яна, оставив допитую чашку с кофе.– В Харькове полно театров, как самодеятельных, так и крупных, как ХНАТОБ. Как таковая среда творческих людей сама по себе отдает часто мистикой и чудесами на грани фэнтези, но с призраками связано только одна городская легенда...– она сделала паузу, чтобы привлечь мое внимание.

– И какая же?

– Здание, где располагается наш театральный институт в прошлом принадлежала какому-то очень богатому купцу самодуру, любившему женский пол и по обоюдному согласию и без оного... Однажды купчишка завидел на улице молоденькую несовершеннолетнюю, но вполне сформировавшуюся гимназисточку. Влюбился по уши и пригласил ее на чай. Гимназисточка гордо отказала, за что силой была увезена в этот самый особняк дворовыми людьми купца. Не знаю, что в точности там произошло, от чего у купчишки в мозгах помутнело, история об этом умалчивает, но испробывав юное создание самостоятельно, он пропустил ее через десяток крепостных, а потом бросил в подвал, чтобы наутро вдоволь снова покуражиться. Гимназистка такого кошмара не выдержала и повесилась. С тех пор ходит легенда, что по усадьбе бродит ее призрак и пугает всех студентов театрального,– она сделала выжидающую паузу, справедливо надеясь на похвалу.

– Яночка, ты отлично сработала! Значит эти двое ловят призраков. Только зачем они им? Что они хотят узнать?

В голове мелькнул Мишкин рассказ о книге и таинственных подземельях Харькова, которые располагаются ниже уровня метро.

– Пойдем, кто охотится за призраками, узнаем зачем... – пожалла плечами Яна.

– Только как? Сама говорила, что нет никаких зацепок... – я расстроено обхватил голову руками, взъерошив густые волнистые волосы.

Замолчали. Каждый думал о своем. Яна покусывала нижнюю губу, я пил мелкими глотками остывший американо.

– Узнаем если найдем призрака первыми! – встрепенулась журналистка после минутной паузы.

– И как ты себе это представляешь? – криво усмехнулся я.

– Ты их видишь, а значит можешь и поговорить! Думаю, призраки сами знают почему на них открыли охоту.

– Ян... – грустно улыбнулся я.

– Давай попробуем! – глаза журналистки вспыхнули профессиональным азартом. – Вот это будет репортаж! “Интервью с призраком”. А начнем с Театрального... Может, что и выйдет?

Она быстро глянула на часы и засобиралась.

– Едем сейчас же. Студенты часто остаются на дополнительные занятия. Так что вуз открыт до полуночи. Репетиции, спектакли и прочая дребедень...

– Ты-то откуда все это знаешь? – спросил я, набрасывая на плечи пуховик, увлеченный энтузиазмом Красовской.

– У меня подружка училась там два курса, пока не отчислили... Ты поможешь? – она кивнула на свою куртку, предлагая подать ей одежду. Я переместился девушке за спину. В нос ударил стойкий аромат цветочных духов и еще чего-то пряного. Я тряхнул головой, отгоняя наваждение.

– Отлично! – мои руки сами собой обняли журналистку, и она возмущенно фыркнула. – Видела бы тебя твоя жена сейчас, чтобы подумала...

– Что ее муж хорошо воспитан, – усмехнулся я, расплачиваясь по счету.

А Светка стояла на эскалаторе, ехавшим вниз, с тележкой, нагруженной продуктами. Она видела нас, в ее глаза стояли слезы, но я не знал, что она думала в тот момент. А если бы видел жену, то наплевал на всех призраков Харькова вместе взятых и рванул ее догонять, но она меня не окликнула, не позвала. Моя судьба сделала очередной крутой поворот.

ГЛАВА 4

Миллионер Вячеслав Заславский – владелец футбольного клуба, крупнейшего тракторного завода в Европе стоял у окна и наблюдал, как дворник гребет лопатой слежавшийся мокрый снег на узких дорожках его усадьбы.

Зима выдалась в этом году на редкость снежная и морозная. Жаль Кира не видит ее. При мысли о дочери он поморщился. Разом нахлынули страшные воспоминания годичной давности, когда дорогой мерседес “S класса” со всего маху врезался в столб уличного освещения, а за рулем сидела его маленькая девочка, его дочурка, только вчера в день своего восемнадцатилетия получившая права на вождения автомобиля. Ту ночь он не забудет никогда! Слезы жены, мрачные предсказания врачей, почти шестичасовая операция с трепанацией черепа и угрюмый безмерно уставший голос нейрохирурга, только вышедшего из оперблока.

– Ваша дочь в коме...

Слова резанули по самому родному, что хранилось в сердце. Ноги жены, стоявшей рядом подкосились, она, охнув, медленно сползла по стенке. А он... он видел все, как в тумане, смутные очертания фигур в белых халатах, голоса врачей, доносившихся до него, как будто сквозь вату. Суета в приемном покое.

Но это оказалось не самое страшное... Самое ужасное, жуткое было еще впереди, когда ушла надежда...когда были объезжены все знаменитые клиники от Израиля до Германии, когда врачи беспомощно пожимали плечами, говоря, что они сделали все возможное.

А через полгода бессмысленных скитаний по городам и весям, многомиллионных затрат, полностью развалившегося бизнеса, тот же самый нейрохирург, который оперировал Кирочку в ту страшную ночь предложил отключить ее от аппарата поддержки жизнеобеспечения. Вот тогда исчезла надежда совсем!

Сердце дрогнуло, разум твердил о том, что ее уже не вернуть, но жена не простила ему бы такого решения. Она и так сильно изменилась за это время. Похудела, побледнела, стала молиться, ходить в церковь, напрочь забыв о бутиках и нарядах. Теперь ее жизнь заключалась в этом безжизненном теле совсем еще молодой девушки, лежащей без движения на кровати, подключенная к самому современному оборудованию, не дающему затухнуть слабо работающему мозгу.

Заславский поморщился от боли в левой стороне груди. Вытащил из секретера пузырек с лекарством и накапал себе немного. Залпом выпил, словно стопку водки. Никто не должен видеть его слабым! Никто не должен видеть его таким, какой он сейчас, одуревшим от моральной и физической боли почти полностью сломленным человеком. Для всех он должен был и оставаться владельцем фабрик, газет, пароходов, сильным противником и могучим союзником.

– Вячеслав?– в комнату зашла Ирина – жена, бледная копия себя прошлой, всегда яркой и дышащей сексуальностью женщиной. Теперь на ней не было макияжа. Роскошные каштановые волосы стянуты в тугий пучок и спрятаны под черным платком. Одета Заславская была в серую зламиду до пят, увешенная каким-то омулетами и оберегами.

– Да, Ирочка,– со вздохом олигарх повернулся к жене, изобразив на своем лице натянутую улыбку. Он всегда стремился ее поддержать. Зная, что только надеждой она живет, только надежда дарит ей силы двигаться дальше и бороться.

– Ты сегодня не был у Кирочки...– укоризненно поглядела она на него.– Наша доченька будет расстроена, что папочка про нее забыл.

Ира каждый день разговаривала с дочерью, пыталась донести до находящегося в коме мозга какие-то новости, смешные случаи из их жизни. Это стало для Заславской своеобразным ритуалом, которая она соблюдала неукоснительно, заставляя делать тоже самое и мужа. Сегодня ритуал был нарушен, и Ирина пришла в рабочий кабинет, чтобы отчитать нерадивого супруга. После аварии они виделись редко, спали в разных комнатах, жена сама приказала перенести кровать в спальню к Кире. А Вячеслав и не стремился к их уединению, ночевал в кабинете, ужинал и завтракал тут же. Он не знал, что скажет ей наедине, боясь проговориться о том, что надежда уже умерла.

– Ты же знаешь, что у меня важная встреча,– пояснил Заславский,– я думал зайти к Кире после нее.

– У тебя встречи всегда важные, но Кирочка...– по щеке Ирины скатилась слеза. Она по-старушечьи платком смахнула ее, пытаясь собраться.– Но Кирочка...она всегда так ждет своего папочку.

– Я обязательно к ней зайду! Ириш,– он подошел к жене и обнял ее за плечи. Женщина словно подрубленный столб рухнула ему в объятия и зарыдала.

– Ну зачем?! Зачем ты купил ей эту проклятую машину?! Она сейчас была бы с нами! Почему ей ничего не помогает...– плач ее стал перерастать в истерику. Ирина Заславская забилась в руках мужа. Заколотила маленькими кулачками ему по груди. Он рывком притянул ее к себе, ласково зашептал н ухо какую-то бессмыслицу о том, что у них много денег, что они найдут выход, что спасут их единственную дочь, но Ирина слышать ничего уже не могла и не хотела. Внутренний стержень рухнул по напором боли. Она заколотилась в припадке, а Вячеслав еле сумел скрутить ее руки.

– Ира, да перстань же ты!– но она была глуха к голосу разума. Внутренняя душевная боль выворачивала ее наизнанку. Миллионер еле смог разжать сжатые зубы и силой запихать в рот жене несколько таблеток успокоительного.

– Слава! Это все из-за тебя! Из-за тебя наша дочь живет год, как растение! Если бы не ты со своими деньгами, она бы жила...

Истерика понемногу стихала. Рыдания становились тише, а конвульсии слабее. Прибывшие на шум охранники замерли над своим хозяином, на руках убаюкивающего собственную жену, будто малое дитя.

– Вячеслав Сергеевич, позвольте,– попросил один из них, поднимая на руки худенькое почти тощее тело безутешной матери.

– Отнесите Ирину в ее спальню и вызовите доктора Арсеньева. Кажется ей необходим очередной курс транквилизаторов,– коротко приказал Заславский, вставая с дивана.

Охранники понимающе кивнули и молча удалились из кабинета, а олигарх подошел к небольшому мини-бару, скрытому под мраморной столешницей и от души налил себе в круглый стакан виски. Залпом выпил, не ощущая вкуса. Потом еще раз...Потеплело. Глаза стала ясной. Боль в груди утихла. Только стало очень душно. Нечем дышать...Рывком ослабил на шее дорогой галстук от Армани.Уселся в кресло.

Он обязан сделать все, чтобы его девочка, его доченька Кирочка жила. Иначе какой он после этого отец? Остался последний шанс, последняя возможность, после которой, если она не даст результат, он прикажет...Об этом Заславский не хотел и думать!

Снова на пороге его кабинета охранник. Седовласый крепыш, которого зовут Влад.

– К вам **он**, хозяин. Тот самый...кого вы ждали!– он замаялся, не зная как именно представить посетителя, но Заславский и так понял, кто пришел.

– Впусти,– коротко приказал он.

Никогда раньше, даже в период развала союза, когда все эзотерика и экстрасенсорика была в моде, вперемешку с мистикой, Вячеслав не верил всем этим колдунам и магам, считая их всех шарлатанами и мошенниками, но когда с Кирой случилось несчастье, когда все другие возможности были использованы, когда он был почти на грани отдачи рокового приказа об отключении аппарата, появился он.

У него не было своего сайта в интернете, где был бы вывешен прайс лист, о нем никто и ничего не знал в Харькове, даже самые посвященные и продвинутые. Он просто пришел пару недель назад к порогу дома Заславских, постучался и предложил помощь, словно заранее знал о беде с Кирой. Отчаявшийся отец, не долго думая согласился.

В кабинет прошел молодой мужчина высокого роста и крепкого телосложения, с греческим профилем лица, темными курчавыми волосами и аккуратно подбритой бородкой. Одет он был в обычную одежду: джинсы и свитер, без намека на магическую атрибутику. Никаких свечей, перевернутых крестов и прочей сатанинской шелухи. Молча прошел и сел напротив, положив на стол крепкие сильные руки.

– Как продвигается наше дело, Вячеслав Сергеевич?– спросил он, чуть придвинувшись к Заславскому, поймав бегающий взгляд олигарха. От чего в груди того что-то резко похолодело, а коленки сотрясла дрожь. Он никого и никогда не боялся так, как этого странного человека. От того несло за версту сумасшедшей энергетикой и болью. Казалось посетитель считывает его мысли, а слова для него всего лишь необходимый обычным людям антураж, но как утопающий хватается за спасительную соломинку, так и Заславскому ничего не оставалось делать, как довериться незнакомцу.

– Понимаете...– начал было олигарх, но неизвестный сделал пасс рукой перед его лицом и слегка наклонил голову набок, слабо улынувшись.

– Они его упустили...– тихо проговорил он.

– Им помешали! – воскликнул Заславский.– У какого-то мужика с сыном был такой же амулет, который вы дали моим ребятам, и они тоже видели призрака!

– Такой амулет один!– резко оборвал его мужчина и стал мерить широкими шагами комнату.– Он в единственном экземпляре! Значит тоже видели...

– Но сегодня они поедут в Театральный и доберутся до призрака,– привстал из мягкого удобного кожаного кресла миллионер. В этот момент перед этим сильным и волевым незнакомцем он выглядел жалким и мерзким, как слизняк под ногой человека.

– У них нет выбора! У нас...– он выделил у нас.– Его нет! Вы же хотите, чтобы вышла девочка, ваша Кирочка очнулась?

– Конечно хочу!– Заславский бросился к незнакомцу.

– Для этого мне нужна книга! – разозлился мужчина. – Только она спасет вашу дочь! А путь к книге должны показать призраки! Они знают, где она спрятана...

– Я сделаю все, что смогу! – залепетал Вячеслав Сергеевич.

– Хм...– задумался незнакомец. Его и без того серьезное лицо, стало смурнее и жестче.– Значит видели призраков говорите...

– Именно так! Ребята доложили, что мужик даже с ним разговаривал!

– Очень интересно...Очень...

– Что?– уточнил заискивающим тоном Заславский.– Что именно интересно?

Словно очнувшись от раздумий, посетитель двинулся ко входу.

– Этот мужик и пацан имеют очень большую силу. Они могут рвать завесу между мирами! Видеть то, что другим обычным людям не положено видеть...

– Это хорошо или плохо?– на всякий случай уточнил олигарх.

– Это никак,– отрывисто бросил незнакомец,– пока нам не мешают, они нам не опасны, но как далеко вы готовы пойти ради спасения своей дочери?– он внимательно поглядел на раздавленного жизнью миллионера, прочитала все в его серых глаза, но все-таки дождался ответа.

– На все...– выдал из себя Вячеслав.– На все, что вы скажите!

– Очень хорошо!– похлопал его по плечу посетитель.– Будут новости, звоните. Провожать не стоит. Я сам помню дорогу.

Хлопнула дверь кабинета. Гулкие шаги смолкли вдали, затухая, будто колебания маятника. Заславский сел за стол и еще выпил. Этот неизвестный благодетель обещал чудесное избавление Киры, если миллионер поможет ему найти какую-то книгу. Так что ж! Он найдет ее, даже если придется купить весь город.

Вячеслав встал и спустился вниз, в западное крыло усадьбы, где располагалась спальня Киры. Зашел тихо, чтобы не разбудить спящую Ирину, только что заснувшую и успокоившуюся.

Кира лежала на белоснежной кровати, засыпанная пучками тонких прозрачных трубочек и проводов. Аппарат ИВЛ мерно качал воздух, прогоняя его через легкие. Черный коробочек пульсометра писал свою одинаковую уже год как кардиограмму. Шторы были занавешены. В спальне царил полумрак. Длинные черные волосы Киры были разметаны по подушке, а руки с какими-то прищепками спокойно покоились на крае постели.

Заславский тяжело вздохнул и присел рядом на стул. Улыбнулся. Она всегда была папиной дочкой. Он не мог ее не баловать, не дарить роскошные подарки и исполнять желания. В такие моменты, он чувствовал себя по-настоящему счастливым отцом. Вот и тогда...с мерседесом.

– Прости меня, доченька,– в который раз попросил он прощения, погладив бледную щеку. Смахнул упавшую на глаза прядь густых маминых волос.– прости, если сможешь...

Глаза девушки оставались закрытыми, но отец был уверен, что если бы она могла говорить, то Кира его обязательно простила бы. Она всегда любила своего папочку. Ведь он сделал

все что мог для того, чтобы вернуть ее к жизни. Даже пошел на сговор с этим странным незнакомцем, хотя все естество кричало против. Он пошел, поверил, потому что надеялся на чудо, что, когда он найдет эту таинственную книгу, то Кира откроет глаза и улыбнется ему самой яркой и счастливой из всех своих улыбок.

Заславский повернулся к жене. Под воздействием успоительного та заснула. Ее незачем впутывать во всю эту историю, искренне верующая с некоторых пор, она решит, что он продал душу самому дьяволу и будет, наверное права, потому что от этого неизвестного спасителя отчетливо пахнет серой.

– Вячеслав Сергеевич, мы выезжаем!– охранник Влад застыл на пороге, одетый во все черное, ради маскировки. На шее у него болтался, сделанный незнакомцем амулет. Какой-то пузырек с непонятной вонючей жидкостью, закрытый плотной крышкой, которую надо выпить перед поиском призраков.

– Постарайтесь уж, ребят,– грустно обернулся он к Владу.

– Не подведем!– браво отчеканил бывший лейтенант морской пехоты и исчез за дверью.

Театральный институт их последний шанс. А уж душу гимназистки опытные ребята разговаривать сумеют. Заславский взял в свою руку ладошку дочери и закрыл глаза, пытаясь подремать. Последнее время это сделать удавалось только здесь, рядом с Кирией.

ГЛАВА 5

Я не заметил Светланы, плачущей на пешеходной дорожке. Мы с Красовской вышли из другого выхода под легкий пушистый снежок в районе Академика Павлова. Яна закуталась в легкую куртку, будто синтипон мог спасти от мороза, покусывающего щеки и нос.

– Театральный у нас...– задумчиво почесал голову я.

– На площади Конституции, прямо у входа в метро. Так что надо брать такси,– она взмахнула рукой и тут же к нам на обочину съехала потертая вишневая “девятка”. После небольших торгов, водитель за сотню согласился нас доставить в центр города. В машине мы старались избегать разговоров о предстоящем деле, боясь, что не знакомый человек примет нас за сумасшедших. Янка весело болтала с шофером о погоде и политике, а , сидя сзади, расмаривал предновогодний город, украшенный россыпью гирлянд и цветных фонариков, кажущийся в этом разноцветном обрамлении по-настоящему волшебным, будто вырванный из сказки. Снег повалил огромными пушистыми хлопьями, сквозь которые с трудом можно было различить спешащих по своим делам харьковчан, прячущих лица в высокие воротники пальто и плотно намотанные вязанные шарфы.

Мир внутри этой снежной сказки начал внезапно меняться. Я проморгался, не веря своим глазам, и уже хотел отчаянно вскрикнуть, но вовремя спохватился, боясь водителя, широкую спину которого я видел за низким сиденьем. А на улице творилось что-то невообразимое. Сквозь снежную пелену вместо дорогих спорткаров и могучих джипов на Московском проспекте начали появляться двуколки с запряженными в них лошадьми, кареты, украшенные золотыми позументами и люди, совсем непохожие на нынешних харьковчан. Они шли по мощенным тротуарам, вежливо раскланиваясь друг с другом, женщины носили теплые капора, мужчины цилиндры и драповые пальто. Газетчик-мальчишка что-то отчаянно выкрикивал, рекламируя на свой манер новый номер своей газеты. Бородатый дворник в засаленном переднике лениво мел снег настоящей метлой, а уличные фонари коптели керосиновым пламенем.

– Дворкин!– раздался голос откуда-то издалека. – Мы приехали, Саша!– рукав затеребили, и я, словно вырвавшись из плена этой сказки, очнулся. Красовская стояла надо мной перед открытой дверью “девятки” и тянула за рукав пуховика, извиняющимся голосом поясняя водителю, что я с суточной смены и очень устал.

– Это что такое было?– зашипела она мне, когда такси, взвизгнув колесами исчезло за поворотом, и мы остались одни. – Ты что заснул?

– Я не знаю, что это было,– потер я глаза, пытаюсь привести свой мозг в порядок,– что-то сродни наваждению. Я любовался зимним городом, пошел снег, а потом я увидел другой Харьков...

– Что значит другой?– изумилась Яна.

– Старый...похожий на город Вышицкого, только зимой. Дамы и господа...кареты и дворник...

– Ты точно здоров?– со сомнением покосилась на меня журналистка, скривив полные губы.

– Это спрашивает меня женщина, согласившаяся со мной ловить призрака в здании театрального института?– съязвил я, и Красовская умолкла.

– Ты прав...– согласилась она.– Звучит по меньшей мере странно.

Я огляделся. Мы стояли напротив одного из красивейших зданий Харькова. Арочные вытянутые окна с декоративными, украшенными гипсовой лепниной, балкончиками. Тяжелые дубовые двери, небольшая лестница, ведущая на первый этаж, где располагались несколько магазинов и вход в сам институт. Почти все окна были темны, лишь в левом крыле тускло светила одинокая лампа. Видимо, какая-то запозднившаяся группа репетирует.

В длинном вытянутом фойе на вахте сидел мужчина, наряженный в форму какой-то охранной фирмочки, которых развелось в последнее время множество. Он был седовлас и солиден, словно списанный с портрета какого-то барина девятнадцатого века. Он оторвался от какой-то книжки, подняв на нас глаза из-за высокой тумбы регистрации, громко спросил хорошо поставленным голосом, эхом отозвавшимся в гулком фойе:

– Я вас слушаю, молодые люди...

– Газета “Вечерний Харьков”,– Красовская ткнула ему под нос свое служебное удостоверение,– мы пишем статью о загадочных и мистических местах нашего города,– начала она,– ходят слухи, что в театральном вузе живет ...или...правильнее сказать является призрак некой гимназистки...

Она нарочно сделала паузу, чтобы вахтер сам мог, как можно больше рассказать про привидение. А это, кажется, старику и было нужно. Он откашлялся, бросив короткий взгляд в зеркало, стоящего на его столике, пригладил рукой волосы.

– Конечно, я знаком с этой историей...– начал он, пытливо вглядываясь в нас с Янкой.– Многие студенты болтают, что видели тут некую тень серого цвета, летающую по коридорам. Часто она появляется после полуночи...

– Полуночи?– с сомнением нахмурился я.– Какие же студенты задерживаются в вузе после полуночи?

– Это не простой институт, молодой человек!– назидательно погрозил мне пальцем вахтер.– Это храм, храм искусства и творчества! Многие наши студенты люди не от мира сего... Они репетируют ночами и искренне любят свою профессию.

– Очень интересно,– согласилась Красовская,– а не могли бы посмотреть то место, где чаще всего появляется призрак? Сфотографировать? Для газеты...

– Боюсь, что нет, милая дама,– нахмурился вахтер,– без разрешения ректора никто посторонний не имеет право входить в вуз. Вот завтра утречком приходите. Напишите честь по чести заявление, получите разрешение на съемку и милости просим, а пока нет!

Мужчина солидно скрестил руки на груди, театрально повернув голову чуть на сторону. Видимо, в его понимании эта поза выглядела непроклонной и солидной.

– И все же...– аккуратно настояла на своем Янка. – У нас завтра сдача нового номера. Статья должна быть...

Она вытащила из сумочки небольшой кошелек красного цвета и положила его на стойку вахты, подмигнув охраннику.

– Нам очень нужна ваша помощь... Мы вас отблагодарим и обещаем место на развороте нашей газеты, – торопливо добавила она, видя, что старик уже почти сломался.

– У нас пенсия и правда маленькая... – нерешительно начал он, а Красовская ловко достала из бумажника двести гривен и сунула их под внутренний телефон института.

– Очень маленькая! – выразительно поглядел вахтер на нее. Она со вздохом вытащила еще одну купюру. – Но в принципе, я думаю, можно что-то придумать...

Он встал из-за стойки и прошел к двери. Запер ее на ключ и указала нам на длинную витую лестницу, ведущую на второй этаж.

– Милости просим, – проговорил он, медленно поднимаясь наверх, – гимназистку чаще всего видят на втором этаже в левом крыле здания. Не знаю, что ее туда так тянет? Может действительно именно там ее купец... это... – он мазнул взглядом по Красовской и стыдливо отвернулся.

По узкому коридору, задрапированному какой-то бордовой тканью были развешены портреты знаменитых выпускников и ректоров вуза. На нас со стен глядели задумчивые, одухотворенные лица людей, закончивших много лет назад этот храм искусств. Откуда-то сверху доносились возмущенные возгласы актеров, репетирующих очередной спектакль, но отдельных слов разобрать было нельзя. После недолгой прогулки по коридору, мы оказались перед старым портретом довольно крепкого мужика, сидящего с тростью в руке на венском гнупом стуле, одетого в дорогой сюртук с накрахмаленными манишками. Длинная борода, почти по грудь и жесткий властный взгляд из-под косматых, нахмуренных бровей выдавали в нем человека века властного и жесткого.

– Вот здесь ее частенько и видят, – указал рукой на тупичок с картиной вахтер, – уж не знаю, чем ей это место полюбилось, но торчит под картиной практически каждую ночь...

– А сами-то вы ее видели? – спросил я, рассматривая неизвестного мне барина.

– Боже упаси! – перекрестился неловко вахтер. – Те кто ее видел, потом долго отойти не могут, шепчут что-то про себя, ходят, как в воду опущенные.

– А может это и есть ее обидчик? – кивнула головой на портрет Яна.

– Да не может такого быть! – возмутился мужчина. – Это же сам Котляревский Иван Кузьмич – знатный меценат, покровитель и благодетель нашего театра...

Я если честно не разделял уверенности охранника. Как раз такие меценаты и благодетели в девятнадцатом веке частенько баловались с девками по закоулкам и углам, не особо спрашивая желаний оных. А взгляд Котляревского так и таит в себе какую-то странную бесинку, отдавая сумасшествием.

– Вы нас оставите здесь на полчаса, чтобы поснимать? – с завораживающей улыбкой попросила Яна.

– Не положено... – угрюмо насупился вахтер, но красовская пошла уже по проторенному пути и сунула ему в карман форменной куртки еще одну купюру.

– Мы вас очень попросим.

– Ну ежели так... – охранник пошел вниз, утопая форменными сапогами в бордовом ворсистом ковре, расстеленном по всему коридору.

– Странный мужик, – кивнул я на портрет, осматриваясь по сторонам.

– Это я заметила, – разозлилась Красовская, видимо всерьез огреченная потерей шестиста гривен, – ты хоть что-нибудь видишь или чувствуешь?

Я помогал головой, сделав шаг вперед. Ничего необычного. Пахло пылью и масляной краской от портрета, словно он был только что написан.

– Все, как всегда, но до полуночи еще долго... – мысль о том, что придется торчать тут до двенадцати часов привела меня в ужас. Я не мог даже представить, что буду говорить Светке, и как она отреагирует на столь позднюю задержку. И вдруг мое тело сковал холод. Он заполз

под рубашку идвинулся мурашками по спине. Лицо окаменело, словно сведенное судорогой. Я ощутил легкий ветерок, мазнувший мне по лицу и отшатнулся.

– Что такое?– обеспокоенно оглянулась Янка.

– Я ее чувствую,– прошептал я, осознав, что холод – всего лишь спутник души суицидницы-гимназистки, привязанной к этому чертову портрету силой своей ненависти.– Она где-то рядом...– я облизал пересохшие губы. Вокруг царил полумрак, разрываемый маленьким светильником перед картиной, на которой был изображен Котляревский.– Она идет сюда...

– Ой!– охнула Красовская, спрятавшись мне за спину. Куда делся ее журналистский запал?

Я прикрыл глаза, пытаюсь не увидеть – почувствовать каким-то внутренним зрением приближение призрака. Все вокруг поплыло, будто в тумане, а потом туман рассеялся, холод стал почти невыносимым. Мне пришлось открыть глаза. Передо мной висела дымчатая фигура совсем молодой девушки в строгой гимназисткой форме времен девятнадцатого века. Она, склонив голову, с любопытством рассматривал нас с Яной, слегка улыбаясь. Именно от нее струился этот ужасный поток холода.

– Здравсте...– выдавил из себя я.

– Дворкин, с кем ты здороваешься?– заорала мне на ухо перепуганная Красовская. Ее горячее дыхание немного привело меня в чувство.

– Она...здесь...– прошептал я, не сводя глаза с души девушки, попрежнему молча стоявшей передо мной.

– Кто?– шепнула мне Янка.

– Гимназистка...– выдавил я из себя. Прошлая моя встреча с призраком прошла чуть легче. Я не совсем понимал кто передо мной, а теперь своими глазами видел потусторнее существо и ни где-нибудь в Зазеркалье, а в самом центре Харькова!

– Я никого не вижу!– закричала Яна, схватив меня за плечи.

– И не увидит!– улыбнулась гимназистка, вымолвив наконец-то хоть слово. Голос был у нее певучий приятный с легким малоросским акцентом.– Мы показываемся лишь в полночь, да и то, когда хотим отвадить кого-то... Например, студентов, вздумавших в моем коридоре зажиматься по углам!– ее глаза гневно блеснули ледяным огнем.

– А я?– дрожащим голосом спросил я.

– Ты – другое дело! Ты можешь прорывать завесу между мирами! Быть в нашем мире и в этом!– она обвела рукой коридор и закружилась в сером туманном вихре.– Для тебя нет преград, нет препятствий! Ты странник!

– Странник?– удивился я, а Яна повторила, будто эхо за мной.

– Какой странник? Что еще за странник?– видимо, она не только не видела привидение гимназистки, но и не слышала его.

– Помолчи, Яночка,– попросил я ее,– простите, как вас зовут?– обратился я к призраку девушки, мирно парящему где-то над потолком. Она бросилась стрелой вниз, затормозив прямо передо мной.

– Меня? Меня зовут Полина! Ты первый кто у меня спрашивает имя со времени...– она замешкалась на секунду, грозно глянув на портрет.– Со времени, когда я перебралась в этот мир...Зачем тебе мое имя?

– Видишь ли, Полина...В метро я встретил такого же как ты парня...

– В метро?– переспросило привидение, нахмутив брови.

– Это такое место, где под землей ходят поезда. Так вот за ним гнались, пытались поймать неизвестные люди,– пояснил я.

– Люди?– удивилась Полина.– Люди видеть нас не могут!

– Эти видели, даже мой сын заметил этого парня,– твердо повторил я.

– Ну и что?!– ухмыльнулась гимназистка, как можно беспечнее, хотя в ее глазах определенно блеснула тревога. – Мало ли зачем он был нужен. Что вы хотите от меня?

– Нам надо знать, что они хотят от вас! И зачем пытаются поймать?– мое внимание отвлек небольшой шум в коридоре. Он был слишком характерный, словно звук падающего тела, повалившего за собой какую-то посуду. Привидение взметнулось тревожно вверх и проплыла по коридору к лестнице.

– Это они!– воскликнула она. Ее глаза испуганно расширились, Полина явно была обеспокоена.

– Дворкин, ты слышал шум?– зашипела мне на ухо Яна.

– Слышал!– отмахнулся я от нее, хотя сердце испуганно колотилось– Полина, скажи мне кто за вами охотится и чего они хотят?

– Я не могу!– зашептала она, придвинувшись вплотную к моему лицу. На моих ресницах тут же повисли снежинки. Лицо свело от мороза.– Они уничтожат меня! Изгонять! Будут мучить, как этот...– девушка кивнула на портрет барина в сюртуке.– Мне надо лететь!

Шорох шагов становился все слышнее. Неизвестные были где-то уже наверху. Вот один из них споткнулся обо что-то и негромко ругнулся.

– Скажи, что они хотят от вас?– прокричал я.

– Ищи ответ в яру!– с тонким посвистом привидение испарилось, провалившись сквозь стены.

– Эй, кто здесь?– тонкий луч фонарика зашарил по коридору, в само конце которого стоялись мы с Красовской, прижавшись друг к другу. – Постой! Это ж тот же самый мужик, что был в метро!

Луч света осветил знакомую по встречи в подземке физиономию крепыша в кожанке. Он бежал ко нам, размахивая руками. Позади держался второй, подсвечивая ему путь фонариком. Кажется. Они были без оружия. Хоть это было приятно!

– Они нас убьют?– тихим голосом спросила Красовская.

Но ее вопроса я уже не слышал. Я бросился вперед, каким-то чудом оттолкнув в сторону вывалившегося на меня крепыша. Тот отлетел в сторону, запутавшись в складках ткани, драпировавшей стены, сверху на него свалилась картина одного из лучших учеников Театрального вуза.

– Стоять!– заорал второй, пытаясь вытащить что-то из-за пазухи, но был смят нашим сдвоенным тараном. Янка, как испуганный носорог неслась за мной следом. Перепрыгивая через три ступеньки, мы сбежали вниз по лестнице. Сверху слышались маты неизвестных бандитов и возмущенные крики студентов, прервавших репетицию. Надо было уносить отсюда ноги, иначе через десять минут от полиции тут будет не протолкнуться. За вахтой, склонив неестественно голову на бок, замер добрый вахтер, пустивший нас посмотреть коридор. Глаз его были открыты и смотрели в одну точку. Сомнений о его состоянии не оставалось.

– Бежим!– я распахнул двери института и выбежал на улицу, чуть не попав под проезжающий мимо автомобиль. Тот возмущенно мяукнул клаксоном, но я потащил Янку подальше от этого места, не обратив на него никакого внимания. Сердце отчаянно колотилось, готовое выскочить из груди. Остановились мы где-то только у Центрального рынка.

– Они его убили, да?– со слезами в глазах спросила меня Красовская, заглянув мне в глаза. Я ничего не ответил, закурил, с наслаждением и каким-то внутренним облегчением выдыхая дым. Мы спаслись, мы сумели, мы смогли...

– Скорее всего. Люди так не сидят, уставившись в одну точку,– я сплюнул тягучую слюну, пытаясь успокоить дыхание.

– И что дальше?

– Полина...– начал я, потом вспомнил, что Красовская не слышала нашего разговора с привидением, и поправился.– Гимназистка сказала, что ответ надо искать в яру...

– В чем?– нахмурилась журналистка.
– В яру,– пожал плечами я.
– Бред какой-то...– тряхнула головой Янка.
– Может быть!– я взглянул на наручные часы. Половина десятого вечера. Светка меня убьет. – Только с этим будем разбираться уже завтра, а пока на такси, домой и баньки. Жена, наверное, с ума сходит...

Мы поймали машину, завезли по пути домой Красовскую. А потом и я двинулся к себе, внутренне готовясь к непростому объяснению с супругой. На сегодня уже хватило мне приключений с лихвой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.